

К. В. Павлов,*доктор экономических наук,
Камский институт гуманитарных и инженерных
технологий, г. Ижевск, Российская Федерация*

НОРМА И ПАТОЛОГИЯ В СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СФЕРЕ

Россия и многие другие страны бывшего социалистического лагеря переживают или еще совсем недавно переживали острейший социально-экономический кризис, проявляющийся в значительном спаде производства, в снижении жизненного уровня трудящихся, в росте безработицы, обнищании масс, в снижении темпов и уровня интенсификации производства и пр. Как правило, при анализе причин и факторов его возникновения указывают на социалистический способ общественного воспроизводства как первопричину, обусловившую низкий уровень экономической эффективности, причем нередко этот способ оказывается якобы единственной виновницей всех бед. Ни в коей мере не идеализируя социалистическую систему хозяйствования, все же вряд ли оправдано только в этом видеть причину возникшего кризиса. Такой подход есть не что иное, как такая же идеологизация общественных процессов, какая имела место при оценке социально-экономических процессов в эпоху «развитого социализма», только с обратным знаком. На наш взгляд, таких причин множество, хотя, скорее всего, негативные моменты социалистических методов управления экономикой являются действительно важнейшей причиной возникшего кризиса, но, с другой стороны, совершенно очевидно, что и в условиях социализма эффективность общественного воспроизводства была бы существенно выше, если бы не непомерно высокие затраты в военно-промышленном комплексе и помощь, оказываемая в соответствии с идеями пролетарского интернационализма так называемым братским странам, тогда как хозяйская философия нормальных капиталистических стран направлена на удовлетворение, прежде всего собственных нужд и потребностей (иначе говоря, и при социализме можно было жить гораздо лучше).

Учитывая высокую эффективность и стабильность капиталистического производства в настоящее время, в качестве целевого ориентира и единственно возможного пути выхода из кризиса постсоциалистического общества, в качестве единственного лекарства излечения общественного недуга, как правило, предлагается переход к рыночным отношениям. Однако не следует забывать, что на протяжении длительной эволюции капиталистическое общество такие многократно оказывалось в кризисном состоянии – и дело не только в циклических кризисах перепроизводства. Так, в истории из-

вестны периоды, когда капиталистическое общество трясло, что называется, до основания; в этой связи достаточно вспомнить период Великой депрессии 1929-1933 гг. – кризис, ничуть не меньше потрясший передовые капиталистические государства, чем кризис современного постсоциалистического общества. Более того, эти кризисы по своим качественным и количественным характеристикам во многом похожи. В самом деле: падение валового национального продукта США в период Великой депрессии (между 1929 и 1933 гг.) составило более 30%; уровень безработицы достигал 25 % от совокупной рабочей силы страны; произошло более чем 16-кратное сокращение объема инвестиций; средний курс акций потерял более 70% своей первоначальной стоимости и т.д. Подобные цифры характеризуют и современный кризис российской экономики.

Таким образом, любая социально-экономическая система вне зависимости от типа общественного устройства попадала в кризисные состояния – как капиталистическая, так и социалистическая, а также и все более ранние общественно-экономические формации. Точно так же и любое отдельно взятое государство на протяжении своей истории обязательно когда-нибудь оказывалось в кризисном состоянии. В этой связи вряд ли оправдано только в принципах социалистического устройства видеть причину кризисного состояния постсоциалистического общества. Опять же, переход к рыночным отношениям (которые являются всего лишь одной из возможных форм производственных отношений), как показывают первые этапы экономических реформ во многих странах бывшего социалистического лагеря, вопреки многим ожиданиям не только не привел к улучшению социально-экономической ситуации, но кризис в результате этого только усилился (в этой связи лишь время покажет, насколько переход к рынку явится действенным лекарством излечения российской экономики).

Поэтому вряд ли существует какая-то одна причина глубочайшего кризиса, поразившего экономику бывших социалистических стран. Причины, из-за которых она оказалась в таком плачевном положении, многочисленны. Во многом такого рода негативные аспекты объясняются объективными факторами. Вместе с тем обострение общественных противоречий связано и с субъективными причи-

нами, в частности, отсутствием глубоко продуманной концепции экономической политики в условиях переходного периода. Так, в совершенно недостаточной степени в стратегии рыночного реформирования экономики учитываются отраслевые и региональные особенности, чем во многом и обусловлено снижение эффективности общественного производства в последнее время. В связи с этим весьма актуальна разработка научных основ процесса реформирования и формирования развитых рыночных отношений в постсоциалистической экономике.

Такого рода причины и факторы условно можно подразделить на несколько больших групп. К первой группе следует отнести все негативные факторы развития экономики этих стран в предыдущий, социалистический период ее развития, ко второй – факторы, обусловившие развитие кризисных явлений же в ходе перестроечных процессов. В определенной мере целесообразно выделить еще одной группы факторов и условий, негативное воздействие которых на постсоциалистическую экономику происходит как бы извне. К этой группе можно отнести влияние стихийных сил природы (землетрясения, цунами и пр.), внешнеэкономические, политические и другие факторы. Не отрицая определенного самостоятельного значения данной группы объективных причин, все же отметим, что их действие всегда трансформируется сквозь призму проявления социально-экономических факторов, которые по многим компонентам и обуславливают влияние данной группы причин. В отдельную группу следует также выделить экологические факторы развития экономики страны.

Среди факторов первой группы можно выделить крайне высокий уровень физического и морального износа основных фондов вследствие хозяйствования на основе преимущественно административно-командных методов управления, что крайне затрудняло действие естественного никла замены основных фондов; неприятие прежним хозяйственным механизмом научно-технического прогресса и ряд других. Среди причин второй группы можно назвать отсутствие цельной и глубоко продуманной политики перехода к рынку, шараханье из стороны в сторону в области экономической политики, непродуманную до конца систему налогообложения, отсутствие общей теории кризисных социально-экономических процессов и состояний и пр. В последней группе факторов среди основных можно назвать изменения в отношении цен на сырье на мировом рынке в последнее время, целую серию постигших страну стихийных бедствий уже в период перестройки и т.д. Разумеется, все эти факторы в каждом государстве проявляются сквозь призму действия национальных социально-экономических особенностей общественного развития, которые во

многим и определяют специфические особенности и тип реформы [1].

Как уже отмечалось, целесообразно в отдельную группу выделить экологические факторы, влияющие на социально-экономическое развитие страны. Общеизвестно, что в условиях глубокого экономического кризиса в России существенно ухудшилось и состояние объектов природоохранного значения. Это выразилось в существенном сокращении выделяемых финансовых ресурсов на природоохранные мероприятия, в резком устаревании фондов экологического назначения, в существенном ухудшении экологической ситуации во многих регионах страны. Правда, справедливости ради следует отметить, что снижение деловой активности в первые годы рыночной реформы способствовало тому, что в ряде районов из-за сокращения объемов производства сократились и объемы выбросов, загрязняющих окружающую среду веществ. Но, как только объемы производства в стране стали расти, а выделяемых средств на мероприятия экологического назначения по-прежнему явно недостаточно, во многих местах экологическая ситуация стала близка к критической. Таким образом, роль экологических факторов в процессе выхода из экономического кризиса и в повышении социально-экономической эффективности весьма велика.

Следует, однако, еще раз подчеркнуть, что кризисное состояние имманентно присуще любой разновидности социально-экономической системы, по крайней мере, в мировой истории не известно случая бескризисного развития какой бы то ни было страны. Ускорение общественного развития привело и к учащению появления кризисных состояний. Что касается причин возникновения любого кризиса – то их, как правило, множество, хотя, разумеется, значение и роль разных факторов неоднозначны. Вполне вероятно, что определенные кризисы связаны с действием средне- и долгосрочных волн типа волн Кондратьева, которые объясняются естественным циклом смены технологий; не исключено, что и кризис российского общества в определенной мере «обязан» этому фактору. Поэтому для того, чтобы проранжировать факторы, приведшие к кризису, и выявить наиболее значимые из них, необходимы детальные исследования, а не простые заявления идеологического характера о том, что во всем «виноват» социализм. Конечно же, наряду с другими возможными факторами, важнейшей причиной современного кризиса советского общества являются социалистические производственные отношения, присущая им уравнивательность, сдерживающая развитие производительных сил (хотя, не следует забывать, что социализм, понимаемый не как вся система производственных отношений, а лишь как их составная часть, точнее, как одни из элемен-

тов хозяйственного механизма – как система социальной справедливости, социального обеспечения – в той или иной форме присущ любой социально-экономической системе; более того, парадокс заключается в том, что во многих развитых капиталистических странах, таким образом, понимаемого социализма больше, чем было при так называемом «развитом социализме»). Важно учесть также, что попытки при директивном планомерном ведении хозяйства избежать кризисов приводили в реальности к тому, что диспропорции только на время глушились, не ликвидировались, а загонялись вглубь, в результате создавались предпосылки для возникновения еще более разрушительных кризисов. Таким образом, рано или поздно патерналистские отношения в тотально-огосударственной стране должны были привести к снижению эффективности и кризису экономики. Все это так, но в любом случае требуются детальные глубокие исследования, которые позволят по-настоящему оценить значение и роль тех или иных факторов, приведших к определенному кризису.

Всеми этими проблемами долина заниматься новая область знания – патозкономика [2]. Этот термин был впервые нами предложен для обозначения науки о кризисных, переходных социально-экономических процессах и состояниях, о видах и формах производственных патологий, общественных диспропорциях. Областью исследования этой новой экономической науки является анализ и классификация факторов кризиса, типологизация форм и видов кризисных состояний, всевозможных диспропорций, выявление путей и методов выхода из кризиса, анализ типов и разновидностей реформ, изучение общих закономерностей и специфических особенностей кризисных состояний, а также экономических проблем анализа чрезвычайных ситуаций. Но могут возразить, причем, мол, здесь еще и переходные процессы, ибо и о них идет речь, когда говорят о патозэкономике? Это, в общем-то, понятно, ибо кризисное состояние любой системы вызывает необходимость ее перестройки, реформирования, перехода в некое иное качество, т.е. иначе говоря, появляется объективная необходимость возникновения переходных процессов и состояний. В этой связи патозэкономика должна заниматься также проблемами объективной обусловленности выбора целевых ориентиров, к которым должна стремиться анализируемая система; классификацией этих целевых ориентиров; выявлением закономерностей, форм и методов перехода к новому состоянию, разработкой оптимальной стратегии перехода и пр. Иначе говоря, патозэкономика – это также наука о социально-экономических реформах, об их формах и типах, о методах общественного реформирования и т.п.

Но важнейшей задачей патозэкономики наряду с созданием основ научной классификации заболеваний социально-экономического организма является разработка методов и поиск путей лечения различных экономических болезней. В этой связи весьма актуально определить, являются ли монетаристские методы единственным средством лечения больной российской экономики? – Напомним, что во времена Великой депрессии американскую экономику помогли вылечить кейнсианские методы государственного регулирования, поэтому нельзя без глубоких обоснований только в монетаристских методах видеть способ излечения. Опыт ряда развивавшихся стран, продемонстрировавших миру «экономические чудеса», – например, Южной Кореи – также лишней раз указывает на условность и зыбкость использования унифицированных рецептов стимулирования экономического развития – тех же монетаристских методов, к примеру. В социально-экономической стратегии Южной Кореи были практически воплощены идеи и рекомендации, которые на базе изучения опыта стран «второго эшелона» мирового капитализма или «государств, запоздавших в своем развитии», были сформулированы в середине прошлого века немецким экономистом Ф. Листом, а в середине нынешнего – известным специалистом в области экономической истории А. Гершенкроном. Квинтэссенция «этих рекомендаций, учитывающих опыт Германии и России, заключается, а том, что у стран, волею истории оказавшихся в положении догоняющих, нет иного способа резко ускорить темпы своего развития и занять достойное место на Мировом рынке, как опора на силу и мощь государственной машины. Учитывая значение и роль государственного сектора в историческом развитии российского общества, догоняющий характер развития ее экономики представляется, что использование такого рода рекомендаций в российских условиях не менее актуально, чем в Южной Корее, – точнее, необходимо рациональное сочетание, комбинация их и монетаристских методов. Поэтому ответ на поставленный в начале абзаца вопрос будет, скорее всего, отрицательным, на что указывают и отрицательные результаты первых этапов реформирования российского общества на основе монетаристских методов – но для более обоснованных рекомендаций необходимы глубокие патозэкономические исследования.

Что касается правомерности использования самого термина «патозэкономика», то, разумеется, кому-то он возможно и не понравится, в связи, с чем будут предложены иные варианты. В конечном счете, дело не в названии – это вопрос больше филологического характера; но в том, что необходимо создавать общую теорию кризисных, переходных социально-экономических процессов и состояний, общую теорию общественных, в том числе и экономи-

ческих патологий, у нас нет ни малейшего сомнения, ибо, как показывает даже предварительный анализ, существует немало общего в различных кризисных состояниях, в связи, с чем поиск общих закономерностей, являющихся необходимым компонентом любой науки, не только необходим, но и возможен. В связи с этим необходим тщательный анализ и выявление общих закономерностей в переходных процессах в разных странах.

Тем не менее, несколько подробнее стоит остановиться на рассмотрении вопроса о том, почему для названия новой экономической науки предложен нами именно термин «патозкономика». Дело в том, что кризисные явления – явления болезненные, тяжело переживаемые отдельными индивидуумами, не зря в этом случае интенсивно ищутся пути и методы скорейшего выхода из кризисного состояния. Иначе говоря, кризис рассматривается как патология, аномалия определенное отклонение от некоего нормального состояния экономической системы. Таким образом, если проводить определенную параллель между экономикой и медициной, то кризис можно рассматривать как определенную болезнь, отклонение от нормального, здорового экономического состояния (в этой связи важнейшим разделом патозкономики является диагностика экономических заболеваний и разработка методов их излечения).

В связи, с чем по аналогии с патопсихологией науку, призванную изучать экономические болезни и методы их лечения, формы и разновидности социально-экономических патологий нами и было предложено называть патозэкономикой, хотя еще раз подчеркнем, что вполне осознаем определенную условность любой аналогии, а потому не исключаем, что для новой науки, в конце концов, будет найдено другое, может быть и более удачное название – например, медицинская экономика – однако, и предложенное нами не так уж и плохо. Здесь необходимо уточнить, что термин «патологический процесс» образован от греческого «патос», что означает болезнь, а патопсихология занимается изучением общих закономерностей психических заболеваний, анализом механизмов психопатологических расстройств.

Интересно, что патопсихология как новая отрасль знания возникла лишь на рубеже нашего века, т.е. сравнительно недавно, учитывая многовековое развитие психологической науки. Точно также, несмотря на древний возраст экономической науки (а этой связи уместно напомнить, что теоретическими проблемами экономики занимался еще древнегреческий мыслитель Аристотель), патозэкономика возникает только сейчас. Видимо, в более позднем возникновении патонаук есть своя логика, ибо для того, чтобы начать глубокое изучение отклонений от нормы, аномалий, необходимо сначала всесторонне

и детально изучить нормальные процессы, хотя, разумеется, спорадически аномальные явления и раньше подвергались теоретическому анализу. Однако целенаправленного, всестороннего изучения этой группы явлений не было (поэтому в связи с развитием патозкономики вполне возможно, что потребует радикальной корректировки, дополнения и уточнения даже теория стоимости, так как возможно, что для объяснения аномальных экономических процессов традиционные стоимостные законы не годятся, ибо такие классики теории стоимости, как А. Смит, Д. Рикардо, К. Маркс, изучали действие экономических законов на статистической информации, характеризующей функционирование экономики наиболее передовых стран того времени – прежде всего, Англии, т.е. выражаясь языком патозкономики, функционирование нормальной экономики, после чего действие этих законов было перенесено на все рыночные страны).

Интересно, что в последнее время аномальные процессы подвергаются все более тщательному анализу и в других областях знания – в физике, астрономии, биологии, социологии. Возможно, в недалекой перспективе появятся новые виды патонаук – патосоциология, например. А в идеале возникнет целая система патознания: во главе будет патофилософия, изучающая общие закономерности различных патонаук (кстати, тот кризис философии, о котором сейчас нередко говорят, во многом обусловлен, на наш взгляд, исчерпанностью анализа возможных вариантов решения традиционных философских проблем – о материи, сознании и пр., ибо, выражаясь языком математической логики, классическая философия, как и евклидова геометрия, и формальная логика, стала, скорее всего, замкнутой теорией, так как все возможные варианты решения ее традиционных проблем известны – поэтому выход из кризиса видится в расширении ее проблематики и, в частности, в философском анализе патологических процессов и состояний) и патология – наука о логико-методологических проблемах анализа аномальных явлений и целая серия специальных патонаук, занимающихся исследованием аномальных процессов в конкретных областях: в физике, экономике, социологии и т.д. Кстати, поэтому большим методологическим упущением, на наш взгляд, является отсутствие в классификации наук, предложенной академиком Б.М. Кедровым, особого комплекса патонаук.

Но все это выходит за рамки нашего исследования, в связи, с чем вернемся к проблемам патозкономики. В настоящее время эта отрасль экономики находится в зачаточном состоянии, поэтому преждевременно говорить о дифференциации патозэкономики (точно также как до конца XIX века разделение общей патологии на патологическую анатомию и патологическую физиологию было еще не ред-

ким). Но со временем, когда эта наука разовьется (а в этом вряд ли стоит сомневаться, так как в недалеком будущем в связи с ростом народонаселения и все более дающей о себе знать ограниченности природных ресурсов распространенным явлением станет не рост экономики, а ее спад, т. е. суженное воспроизводство, будет характерным признаком экономики большинства стран мира), наверняка появятся дифференцированные отрасли патоекономики, подобно тому как в патопсихологии появились специализированные разделы. На наш взгляд, вполне реально появление таких направлений, как региональная патоекономика, изучающая региональные патологии и территориальные особенности кризисных социально-экономических процессов, отраслевая патоекономика, исследующая отраслевые патологии и диспропорции, аномальные явления в различных отраслях; патоекономика предприятия, изучающая кризисные ситуации и методы их лечения на уровне основного хозяйственного звена; историческая патоекономика, анализирующая кризисные состояния в прошлом и пр. Разумеется, патоекономика будет опираться на достижения всего комплекса экономических наук, в связи с чем она будет оперировать сложившимся категориальным аппаратом всего комплекса, но наряду с этим в ней появятся и специфические научные термины. Так, например, одной из важнейших проблем патоекономики, решение которой имеет принципиальное значение для ее дальнейшего развития, является проблема определения количественных и качественных параметров-характеристик нормы и патологии экономических процессов.

В связи с этим остановимся на этой проблеме более подробно. Но сначала целесообразно заметить, что та же патопсихология как психологическая дисциплина исходит из закономерностей развития и структуры психики в норме. Она изучает закономерности распада психической деятельности и свойств личности в сопоставлении с закономерностями формирования и протекания психических процессов в норме, она изучает закономерности искажений отражательной деятельности мозга. Причем от такого подхода выигрывает как теория аномальных явлений, так и сама теория о нормальных процессах. Еще великий физиолог И.П. Павлов говорил о том, что патологическое очень часто упрощает то, что заслонено от нас в норме. Патологический материал способствует постановке новых проблем в общей психологии, чем содействует ее развитию. Кроме того, патологические явления могут служить критерием при оценке психологических теорий. Важно и то, что расстройства психики рассматривались как эксперимент природы, причем затрагивающий большей частью сложные психологические явления, к которым экспериментальная психология еще не имела подхода, т.е., иначе говоря, болезнь превра-

щается в тонкое орудие анализа, ибо она производит для нас опыты, никаким другим путем неосуществимые.

Аналогично развитие патоекономики позволит не только глубже понять различные патологии, аномальные (аномалия – отклонение от нормы) социально-экономические процессы и явления, но и, несомненно, окажет существенное влияние на развитие «нормальной» экономики, на общую экономическую теорию, ибо, как известно, все ставшие ныне классическими теории, составляющие золотой фонд экономической науки, разрабатывались на статистической информации о функционировании наиболее передовых и развитых стран того времени (например, теория трудовой стоимости, теория А. Маршалла, теория несовершенной конкуренции, кейнсианская теория на примере Великобритании, США) – такой подход, когда изучается развитая экономика и выявленные закономерности обобщаются, экстраполируются на всю систему вполне был оправдан для прошлого периода развития экономической мысли, но в настоящее время он представляется недостаточно оправданным, так как необходимо изучать законы функционирования патологических систем. Итак, проблема нормы и патологии воспроизводственных процессов имеет ключевое значение для развития всей патоекономики (обычно под экономической патологией понимается достаточно длительное ухудшение параметров, характеризующих состояние производственных систем). И дело здесь не только в теоретическом значении решения этой проблемы для всестороннего развития патоекономики, этот вопрос имеет и большое практическое значение.

Так, в настоящее время Россия и другие страны бывшего социалистического лагеря переживают острейший социально-экономический кризис и в качестве выхода из него предлагается взять на вооружение рыночные методы хозяйствования. Выбор такого целевого ориентира обосновывается тем, что в настоящее время многие капиталистические страны достигли высокого уровня экономического развития (поэтому, говоря о цели, следует уточнить, что на самом деле прельщает высокий уровень потребления, изобилие, а не рынок сам по себе; в связи с чем более правильно говорить о целевой установке как о построении «общества изобилия», рынок же является средством, точнее, не только рынок, а оптимальное соотношение рыночных и государственных регуляторов – иначе говоря, не следует путать цель и средство). Тем самым признается, что экономика развитых рыночных стран – это норма, а современное состояние экономики бывших социалистических стран – отклонение от нормы или, иначе, социально-экономическая патология. Однако насколько эти выводы правомерны, т.е. насколько оправдано для любой страны вздеть рыночную экономику в ка-

честве единственно возможного нормального экономического состояния? Ведь с научной точки зрения совсем неочевидно, что для России и других стран переход к рынку – единственно возможный путь, по крайней мере, это необходимо обосновать и в любом случае выяснить, какая хозяйственная модель в российских условиях наиболее приемлема и эффективна. Последнее связано с тем, что само понятие «рыночная экономика» не является однозначным – как известно, существует несколько весьма существенно различающихся теоретических моделей рынка: монополистическая, олигополистическая, модель свободной конкуренции (более того, реальный хозяйственный механизм капиталистических стран помимо определенного сочетания рыночных включает, как известно, и другие формы – например, государственные регуляторы). Какая из этих моделей соответствует понятию «норма экономического состояния», или для России в качестве целевого ориентира не подойдет ни один из известных вариантов? С другой стороны, напомним, что наиболее эффективный и действенным «лекарством» (средством, методом) лечения рыночной экономики, когда она всерьез и надолго заболела – кризис 30-х годов под названием «Великая депрессия» – оказались кейнсианские методы государственного регулирования, вопреки тому, что предлагают сейчас для России. Этот же вопрос относится и к проблеме выбора в качестве нормы, отвечающей российским условиям, какой-либо национальной модели развитой рыночной экономики – ведь известно, что хозяйственные системы разных развитых капиталистических стран, несмотря на наличие общих компонентов, весьма существенно отличаются друг от друга. Также следует учитывать, что в постсоциалистической экономике технологический базис весьма отсталый – не приведет ли поэтому либерализация хозяйственной деятельности лишь к снижению экономической эффективности?

Таким образом, как можно видеть, проблема определения нормы и патологии экономического состояния действительно крайне актуальна для выбора научно обоснованных целей дальнейшего развития российского общества. Особенно это актуально в свете известных неблагоприятных прогнозов развития мировой экономики, составленных с учетом предполагаемого в обозримой перспективе ухудшения условия общественного воспроизводства, прежде всего связанных с ограниченностью природно-ресурсного потенциала. Проведенный выше небольшой анализ показал, насколько сложно дать однозначное определение понятия экономической нормы и патологии, причем это связано не только с экономическими особенностями. Понятие нормы (также как и патологии) вообще неоднозначно; пожалуй, самым расхожим остается для многих понимание нормы как, во-первых, чего-то

среднего, устоявшегося, не выделяющегося из массы и, во-вторых, наиболее приспособленного, адаптированного к окружающей среде. Такое понимание хорошо согласуется со здравым смыслом и имеет весьма глубокие корни в житейском сознании, прочно отождествляющем нормальное и общепринятое.

Данный статистически-адаптационный подход к пониманию нормы вызывают, однако, резкую критику, ибо индивидуальные различия между однотипными социально-экономическими объектами достигают иногда столь больших величин, что среднестатистические нормы оказываются весьма далеки от реальных индивидуальных норм. Учитывая, что, по крайней мере, два обстоятельства делают невозможным однозначное определение нормального и патологического: множественность социальных общностей, «социумов» и неоднородность предъявляемых каждым таким «социумом» требований, некоторые исследователи по существу отрицают наличие объективных оснований для различия нормы и патологии. Такое представление в научном плане есть не что иное, как снятие проблемы нормы, капитулирование перед ее сложностью и переход к описанию любого таксономического объекта только как особенно, уникального в своем роде. Одними из наиболее ярких представителей такой точки зрения были представители экзистенциалистского подхода. Следует добавить, что для успешного решения проблем типа выявления нормы и патологии экономических процессов, необходимо заняться изучением оснований экономической науки, т.е. созданием метатеории политэкономии – метаэкономики.

Такая крайняя точка зрения, на наш взгляд, неправомерна, ибо, несмотря на сложности познавательного процесса в самой объективной реальности имеются предпосылки для различения нормы и патологии. Так, несмотря на имеющиеся значительные различия, существующие в системах хозяйствования, например, США, Японии и Великобритании, все они воспринимаются для населения России и других стран бывшего социалистического лагеря как нормальные экономические системы в настоящее время, хотя западные экономисты характеризуют экономику Англии как больную. Разумеется, понятие нормы – относительно. Это означает, что, во-первых, абсолютно нормальных систем в реальности не бывает (абсолютно нормальная экономическая система – идеальная абстракция того же типа, что применяются в физике, химии и других науках – например, идеальный газ, абсолютно черное тело и пр.), во-вторых, нормальность выявляется лишь – в сравнении. Например, сомалийцам современная экономическая ситуация в России показалась бы вполне нормальной. Более того, если сравнивать показатели среднего уровня жизни в России в настоящее время и в США где-то пятидесятилетней давно-

сти, то получим вполне сопоставимые значения. Просто сейчас в России стало жить сложнее, чем лет 15 назад, поэтому изменения в экономике воспринимаются как аномальные. С другой стороны, еще совсем недавно значительная часть населения планеты воспринимала советскую модель социализма не только как нормальный тип социально-экономической системы, но и как образец для подражания.

Точно также на относительность понятия «норма» указывает и то, что для россиян английская и нидерландская экономики кажутся процветающими, тогда как на Западе широко известен феномен так называемых «английской болезни» и «голландской болезни». Так, с начала 50-х годов происходит почти непрерывное ослабление позиций Великобритании в капиталистическом хозяйстве. Она отстает от конкурентов по темпам роста валового внутреннего продукта и промышленного производства. Англия стала терять свои позиции и в сфере заграничных инвестиций: если перед второй мировой войной ее зарубежные капиталовложения почти вдвое превышали инвестиции США, то к настоящему времени она не только перешла на второе место, но и утрачивает свои позиции по отношению к другим крупным капиталистическим государствам.

В связи с этим в западной литературе к Великобритании нередко приклеивают ярлык «больного человека» капиталистического мира. Выделяют несколько основных причин того, что в цепи высокоразвитых государств послевоенная Англия оказалась, прежде всего, в экономической сфере, сравнительно слабым звеном. Диалектика истории такова, что если в первую половину XX в. уникальная по своим масштабам всемирная система имперских связей все еще обеспечивала Англии роль и статус с США одной из двух самых сильных в капиталисти-

ческом мире держав, то в условиях, возникших во второй половине столетия, чрезвычайно высокая степень зависимости метрополии от этой же системы оказалась ее ахиллесовой пятой. Преимущественно колониальная природа английской экономики в период развала Британской империи оборачивалась повышенной уязвимостью к радикальным переменам. Важно и то, что приоритет краткосрочного государственного регулирования над долгосрочным, характерный для английской экономики в 60-70-е годы, не только не стимулировал, но, напротив, тормозил процессы модернизации хозяйства. Огромную негативную роль сыграл и рост экспорта капитала из страны. В силу схожести по ряду параметров процессов большое значение для России имеет анализ причин «английской болезни». Таким образом, основания теорий нормы в значительной степени связаны с диалектической трактовкой категории меры. В этой области к числу самых существенных трудностей относится определение границ нормы и патологии, пределов и возможностей нормы. В отношении нашего предмета исследования это означает, что необходимо разработать качественные и количественные (причем количественные наверняка будут иметь в основном интервальную форму) параметры, характеризующие кризисные и нормальные социально-экономические состояния.

Литература

1. **Воспроизводственный** потенциал Приволжского и Уральского федеральных округов. Монография / под общей ред. д.э.н. проф. К.Н.Юсупова и д.э.н. проф. А.В.Янгирова. Уфа: РИЦ БашГУ, 2017. 272 с. 2. **Павлов К.В.** Патологические процессы в экономике. Москва: изд-во «Магистр», 2009. 461 с.

Стаття надійшла до редакції 26.10.2017
Прийнято до друку 30.01.2018